

На правах рукописи

СОЛОЩЕВА Мария Алексеевна

ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ ЦИН В ОТНОШЕНИИ ТИБЕТА В ПЕРИОД
ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ЮНЧЖЭНА (1723–1735 гг.)

Специальность 07.00.03 – «всеобщая история (средние века)»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2014

Работа выполнена на кафедре монголоведения и тибетологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель: доктор исторических наук
УСПЕНСКИЙ Владимир Леонидович.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, руководитель группы истории исследования Центральной Азии, заведующий Музеем-квартирой П.К. Козлова Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
АНДРЕЕВ Александр Иванович;

кандидат исторических наук, старший хранитель Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН
ИВАНОВ Дмитрий Владимирович.

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Защита диссертации состоится 21 мая 2014 г. в 11:00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.041.01 при Институте восточных рукописей РАН (191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института восточных рукописей РАН <http://orientalstudies.ru>

Автореферат разослан «_____» марта 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, доцент

Французов С.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Представленная диссертантом работа посвящена анализу событий сложного и судьбоносного периода истории Тибета, которые привели к его включению в состав империи Цин. Политика императора Юнчжэна (1723–1735 гг.), которая учитывала сложное сплетение этнических, религиозных, политических факторов, также опосредованно повлияла на формирование современной политической карты Восточной Азии. Этим объясняется постоянное обращение к данной теме как отечественных, так и зарубежных ученых. В то же время, несмотря на наличие целого ряда исследований, посвященных отдельным событиям этого периода или более общим вопросам, затрагивающим обозначенную тему, в отечественной и зарубежной науке не было осуществлено комплексного исследования политики империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна, что обеспечивает актуальность данной работы.

Степень изученности темы. Вопросы, связанные с историей включения Тибета в состав империи Цин привлекали внимание исследователей еще в начале XIX века – на заре отечественного китаеведения, что было обусловлено геополитическими интересами Российской империи. К этому времени относятся первые переводы на русский язык источников, дающих, в том числе, представление об истории Тибета. В 1828 году вышла в свет книга о. Иакинфа (в миру Н.Я.Бичурина; 1777–1853) «Описание Тибета в его нынешнем состоянии» – перевод с китайского языка сочинения китайского чиновника, дающего подробное описание географического положения Тибета и представление о его культуре и истории¹. Кроме непосредственно содержания источника, особый интерес представляют комментарии и пояснения ученого, восполнявшего пробелы в знаниях современников о Востоке. В этом же году был издан в двух томах

¹ Бичурин Н.Я., Описание Тибета в нынешнем его состоянии. Пер. с китайского. СПб: Типография Императорского воспитательного дома, 1828. 227 с.

выполненный С.В. Липовцовым (1770–1841) перевод с маньчжурского языка «Уложения китайской палаты внешних сношений» – сборника законов, регламентировавших отношения империи Цин с народами зависимых территорий².

Непосредственно темой научного исследования отечественных ученых тибетско-китайские отношения стали в XX веке. Наиболее важной из немногих работ отечественных авторов, посвященных данной тематике, является работа А.С. Мартынова «Статус Тибета в XVII–XVIII веках», основанная на китайских источниках³. Однако, в связи с тем, что автор сосредоточился в своей работе на общих принципах внутренней организации системы традиционных политических представлений китайцев, он не ставил перед собой цель изложения событий в хронологической последовательности. Поэтому время правления императора Юнчжэна и связанные с ним принципиальные для становления Тибета как части Китая события в этой книге не рассматриваются.

Отдельные вопросы, рассматриваемые в представленном исследовании, более-менее подробно освещены в работах Е.Л. Беспрозванных «Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII—XVIII вв.»⁴, С.Б. Намсараевой «Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке»⁵, В.Л. Успенского «Тибетский буддизм в Пекине»⁶. Некоторые события этого периода рассмотрены в сводной монографии Е.И. Кычанова и Б.Н. Мельниченко «История Тибета с древнейших времен до наших дней»⁷.

Интерес к проблеме китайско-тибетских отношений у зарубежных исследователей появился после столкновения интересов России и

² Уложение Китайской палаты внешних сношений. Пер. с маньчжурского С. Липовцов. СПб: Типография Департамента народного просвещения, 1828. Т.1 326 с., Т.2 319 с.

³ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с.

⁴ Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 356 с.

⁵ Намсараева С.Б. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2003. 249 с.

⁶ Успенский В.Л. Тибетский Буддизм в Пекине. СПб: Студия НП-Принт, 2011. 368 с.

⁷ Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.

европейских держав в Центральной Азии на рубеже XIX–XX вв. Написанная американским дипломатом и востоковедом В.Рокхилем в 1910 году большая статья «Далай-ламы Лхасы и их отношения с маньчжурскими императорами Китая», несмотря на более чем столетнюю давность, до сих пор остается одним из наиболее обстоятельных исследований по истории отношений цинского двора с духовными лидерами Тибета⁸. Ставшая классической работа Л. Петеха «Китай и Тибет в начале XVIII века»⁹, является исследованием, наиболее подробно рассматривавшим политику империи Цин в отношении Тибета в указанный период. Хотя первое издание этой книги вышло в 1950 г., она не утратила своего значения и сегодня. Однако ввиду обширности темы и отсутствия у Л. Петеха целого ряда важных источников на разных языках, опубликованных за последние полвека, многие вопросы нуждаются в настоящее время в дополнительном изучении.

Среди важных работ и статей на европейских языках, посвященных отдельным событиям или вопросам, связанным с цинской политикой в Тибете в 1720–1735 гг., можно выделить «Восстание Лобсана Дандзина 1723 г. в свете предшествовавших ему событий» Като Наото¹⁰; «Завоевание Цинхая в связи с событиями в Каме и Тибете: 1717–1727» Шу-хуэй У¹¹; "Тибетские контакты цинского двора: Джанджа-хутухта Ролби-Дорджэ и император Цяньлун"¹²; ряд статей японской исследовательницы Исихама Юмико¹³.

⁸ *Rockhill W.W.* The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations With the Manchu Emperors of China. 1644—1908 // *T'oung Pao*, 1910. Vol.11, P.1–104.

⁹ *Petech Luciano.* China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. 2nd, revised ed. Leiden: Brill, 1972. 309 p.

¹⁰ *Kato Naoto.* Lobjang Danjin's Rebellion of 1723: With a Focus on the Eve of the Rebellion // *Acta Asiatica*. №64. Tokyo, 1993. P.57–80.

¹¹ *Shu-hui Wu.* Die Eroberung von Qinghai unter Berücksichtigung von Tibet und Khams 1717–1727. Anhand der Throneingaben des Grossfeldherrn Nian Gengyao. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. 365 S.

¹² *Wang Xiangyun.* The Qing Court's Tibet Connection: Lcang skya Rol pa'i rdo rje and the Qianlong Emperor // *HJAS*, 2000. Vol. 60, №1. P.125-163.

¹³ *Ishihama Yumiko.* A study of seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // *PIATS V*, P.501–514; *Ishihama Yumiko.* On the Dissemination of the Belief in the Dalai Lama as a Manifestation of the Bodhisattva Avalokiteśvara // *Acta Asiatica. Bulletin of the institute of eastern culture*. №64. Tokyo 1993. P.38–56; *Ishihama Yumiko.* New Light on the "Chinese Conquest of Tibet" in 1720 (based on the new Manchu sources) // *PIATS VII*, P.419–426; *Ishihama Yumiko.* The Conceptual Framework of the dGa'-ldan's War Based on the Beye dailame wargi amargi babe necihiyeme toktobuha bodogon i bithe – "Buddhist Government" in the Tibet-Mongol and Manchu Relationship // *Tibet and Her Neighbours: A History*. Ed. by A. McKay. London, 2003. P.157–165.

Диссертант максимально использовал работы, опубликованные в последние пятнадцать лет в КНР. Несмотря на то, что практически все китайские публикации отражают идеологическую установку на доказательство утверждения о том, что Тибет входил в состав Китая со времен установления правления династии Юань (или даже раньше), несомненным достоинством этих работ стало введение в научный оборот значительного количества источников, ранее не доступных для европейских исследователей¹⁴. Особо следует отметить фундаментальный труд коллектива авторов, среди которых присутствуют и тибетские ученые, «Исследование отношений китайского правительства с Тибетом начиная с династии Юань», вышедший в свет в 2005 году¹⁵. В двухтомной монографии авторы подробно анализируют значительное количество собранных ими документов по истории китайско-тибетских отношений. Также стоит отметить обзорные статьи, посвященные непосредственно правлению императора Юнчжэна: «Исследование и анализ политики императора Юнчжэна в отношении Тибета» Чжоу Жунбина¹⁶ и «Стратегия в управлении Тибетом императора Юнчжэна: ее причины, влияние и уроки» Фэн Чжи¹⁷.

Источниковедческая база исследования. При написании работы было использовано большое количество источников на тибетском и китайском языках.

¹⁴ Ван Чэн, Ши лунь Юн чжэн чао дуй си юй дэ цзин ин (On the Rule of the Yongzheng Imperial Court over the Western Region) // Journal of Xinjiang University (Philosophy. Humanities & Social Sciences), Vol.34, 2006 (2). С.55–60; Го Шэнли, Ю гуань кан юн а эр бу ба и цзешу ляо као чжэн (Исследование исторических материалов о Нгабопе времен правления Канси и Юнчжэна) // Исследования по истории династии Цин, 2010 (4). С.95–102; Лю Шэнци, 1727-1728 нянь вэй цзан чжань чжэн цянью хоу цин чжун ян дэ чжи цзан фан цэ (The Qing government's Policy for Tibet around the Tibetan Civil War from 1727 to 1728) // Ethno-national studies, 2004 (1). С.92–101; Тянь Лувэнь, Люэ лунь юн чжэн ди юй нянь гэн яо гуань си дэ янь бянь (К вопросу о развитии отношений между императором Юнчжэном и Нянь Гэньяо) // Исторический архив, 1997 (4), С.98–102; Чжао Яньпин, Го цинь ван юнь ли цзи «Си цзан жи цзи» бин ши («Тибетский дневник» и поэзия принца Юньли) // Журнал Педагогического института Лэшаня, 2009 (6). С.20–24. И др.

¹⁵ Юань и лай си цзан ди фан юй чжун ян чжэн фу гуань си янь цзю (Исследование отношений китайского правительства с Тибетом начиная с династии Юань). Дордже Цетен, Дэн Жуйлин, Чэн Циньбин, Чжан Юн, Чжу Цюань. Пекин, 2005. 1331 с.

¹⁶ Чжоу Жунбин, Юн чжэн чао чжи цзан чжэн цэ тань си (The Research and Analysis of the Policies of the Emperor Yongzheng towards Tibet) // Journal of Tibet University, 2005 (3). P.39–44.

¹⁷ Фэн Чжи, Юн чжэн чжи цзан фан люэ юй ци ти инь, инь сян хэ ци ши (Yongzheng's Administrative Strategies toward Tibet and its Origin, Effect and Inspiration) // Journal of nationalities Institute (Philosophy and Social Sciences) Vol.32, 2011 (3), С.1–7.

Основным источником данной работы на тибетском языке является «Биография седьмого Далай-ламы Лосанг Кэлсанг Гьяцо», написанная Джанджа-хутухтой Ролби-Дорджэ (1717–1786), его учеником и одновременно главным ламой Пекина. Он написал эту биографию в 1758–1759 гг., находясь в Тибете, будучи командирован туда императором Цяньлуном (гг. правл. 1736–1796) для наблюдения за правильностью избрания нового, восьмого Далай-ламы. В ее основу легли материалы из архивов Поталы.¹⁸ Биография написана в классическом тибетском жанре «намтар» – жизнеописаний буддийских деятелей. Диссертант использовал ксилографическое издание, хранящееся в рукописном фонде Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького под шифром Т–229/2. Полный текст этой биографии насчитывает 558 листов. С точки зрения современной науки, жизнеописание имеет ряд недостатков: в нем нередко отсутствуют конкретные даты описываемых событий. Кроме того, автор, акцентируя внимание на религиозной деятельности Далай-ламы, упускает из виду некоторые важные политические события.

Еще одним источником на тибетском языке стал сборник указов и документов по истории Тибета на тибетском языке, изданный в 1989 году в Пекине¹⁹. Также мы обращались к биографии светского правителя Тибета Полханэ (1689–1747), написанной Хорканг Соднам Пэлбаром (1919–1995) на тибетском языке на основе другой, более известной биографии, автором которой был современник Полханэ Церин Вангьел (1697–1763)²⁰. По словам автора, необходимость в пересмотре текста биографии возникла в связи с необъективностью Церин Вангьела, явно восхищавшегося тибетским правителем²¹. Важные сведения были почерпнуты из так называемой

¹⁸ Резиденция Далай-лам в Лхасе. На настоящий момент Потала является музеем и имеет свой архив и библиотеку.

¹⁹ *Bod kyi lo rgyus yig tshags dang gzhang yig phyogs bsodus dwangs shel me long*. (Ясное зеркало собрания источников и документов Тибетской истории) Beijing : Mi rigs dpe skrun khang, 2000. 323 p.

²⁰ *Hor khang bsod nams dpal 'bar*. Mi dbang rtogs brjod kyi snying don tshig bsodus gzhon nu mgu ba'i rol dbyangs (Радостная музыка новых сведений об основах «Биографии Правителя [Полханэ]»). Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1998. 208 p.

²¹ Там же, С. 6–7.

«Золотой книги» – истории буддизма в Монголии, написанной халха-монгольским ученым ламой Лубсан-Дамдином (1867–1937) на тибетском языке²².

Одним из источников на китайском языке, использованных в работе, является собрание официальных документов, составленное в 1779–1795 гг. по повелению императора Цяньлуна, «Высочайше утвержденные генеалогические таблицы и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана». Оно было издано на трех языках: маньчжурском, монгольском и китайском. Издание, использованное в данной работе, хранится в рукописном фонде Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького под шифром Хул F-11.

Важнейшими источниками на китайском языке послужили собрания секретных донесений императору Юнчжэну с его собственноручными резолюциями. Наиболее объемистое собрание, составленное из материалов, хранящихся в Первом государственном историческом архиве КНР и Тайбэйском государственном музее императорского дворца, в сорока томах было издано в Пекине в 1989 году²³. Оно включает в себя более 33000 расположенных в хронологическом порядке документов (15000 из исторического архива и 18000 из императорского дворца), авторами которых являются маньчжурские и китайские приближенные Юнчжэна, имевшие право направлять свои доклады лично императору. Менее многочисленные донесения, написанные на маньчжурском языке, были переведены на китайский и изданы в двух томах в 1998 году²⁴. Работа по изданию этих материалов началась в 1971 году, когда в Тайбэе отдельным изданием вышло

²² The Golden Annals of Lamaism being the Original Tibetan Text of the Hor-chos-hbyuñ of Blo-bzan rta-mgrin entitled 'Dzam gling byang phyogs chen po hor gyi rgyal khams kyi rtogs pa brjod pa'i bstan bcos chen po dpyod Idan mgu byed ngo mtshar gser gyi deb ther zhes bya ba bzhugs so / ed. by Lokesh Chandra. Śata-Pitaka Series. Vol. 34. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1964. 160 p.

²³ Юн чжэн чао хань вэнь чжу пи цзоу чжэ хуэй бянь (Собрание тайных донесений на китайской языке с резолюциями императора Юнчжэна). Т.1-40. Нанкин: Изд-во древней литературы Цзянсу, 1989-1991.

²⁴ Юн чжэн чао мань вэнь чжу пи цзоу чжэ цюань и (Перевод тайных донесений с маньчжурского языка с резолюциями императора Юнчжэна). Т.1-2. Хэфэй: Изд-во «Хуаншань», 1998. 2661 с.

собрание донесений Юнчжэну генерала Нянь Гэньяо в трех томах²⁵. Это собрание было изучено и частично переведено на немецкий язык исследовательницей Шу-хуэй У, положившей его в основу своей диссертационной работы «Завоевание Цинхая в связи с событиями в Каме и Тибете: 1717–1727»²⁶, также использованного в нашей работе. Написанные генералом Нянь Гэньяо донесения на маньчжурском языке также были переведены на китайский язык и изданы в Тяньцзине в 1995 году²⁷.

Безусловный интерес представляет написанный на китайском языке «Тибетский дневник» брата императора Юнчжэна принца Юньли (1697–1738). В 1734–1735 гг. император поручил принцу отправиться к находящемуся в тот момент в Сычуани Далай-ламе и проинспектировать по дороге войска и обороноспособность городов. В пути Юньли вел записи о погодных и географических условиях населенных пунктов, которые он проезжал. Также принц подробно описал встречи с Далай-ламой и торжественные приемы, на которых ему пришлось присутствовать в течение месяца, который он пробыл в монастыре вместе с Кэлсанг Гьяцо. В нашем исследовании была использовано первое издание этого дневника, осуществленное в Пекине в 1937 году²⁸.

Наряду с этими источниками мы также обращались к памятникам традиционной китайской историографии — «Материалам из цинских “Правдивых записей” по истории тибетского народа». Этот сборник документов в девяти томах был опубликован в Лхасе в 1982 году²⁹.

Некоторые сведения в данной работе также были почерпнуты из «Сводного описания Уя и Цзана»³⁰ анонимного автора XVIII века,

²⁵ Nian geng yao zou zhe. The Memorials of Nien Keng-yao. Ch'ing documents at National Palace Museum. Taipei: Tai bei shi: Guo li gu gong bo wu yuan, 1971. 399 p.

²⁶ Shu-hui Wu, Цит.соч.

²⁷ Нянь гэн яо мань хань цзоу чжэ и бянь (Собрание донесений Нянь Гэньяо на маньчжурском и китайском языках. Перевод на китайский язык). Тяньцзинь: Тяньцзиньское изд-во древней литературы, 1995. 368 с.

²⁸ Юньли, Си цзан жи цзи (Тибетский дневник). Пекин: Бэйпинский институт «Юйгун», 1937. 47 с.

²⁹ Цин ши лу цзан цзу ши ляо (Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа). Т. 1–9. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1982. 4789 с.

³⁰ Цинь дин сы ку цоань шу, Ши бу: Вэй цзан тун чжи (Высочайше утвержденное Полное собрание книг четырех хранилищ, Исторический раздел: Сводное описание Уя и Цзана). Шанхай: Шанхайское изд-во древней литературы, 1995. 285 с.

написанного на основе тибетских источников. В работе было использовано репринтное издание, выполненное в Шанхае в 1896 году. Также для исследования были привлечены материалы из «Собрания переводов материалов тибетских архивных документов по истории тибетского общества», изданных на китайском языке в Пекине в 1997 году³¹.

Ряд источников, на основе которых написана данная работа, уже были переведены на русский и английский языки. Это книга католического миссионера Ипполито Дезидери, проживавшего в Тибете в 1715–1721 гг.³², «История Кукунора», написанная современником и очевидцем многих описываемых событий Сумба-Хамбо Ешей-Пэлджором (1704–1788) и изданная в 1969 г. в латинской транслитерации тибетского текста с переводом на английский язык³³. Еще одним источником, использованным при написании работы, является «Пагсам-Чжонсан» – исторический труд того же автора, посвященный религиозно-политической истории Индии, Тибета, Китая и Монголии, написанный 1748 году. Хронологические таблицы из «Пагсам-Чжонсана» были переведены с тибетского языка на русский Р.Е. Пубаевым и опубликованы в 1991 году³⁴.

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе:

- впервые осуществлен многосторонний анализ политики императора Юнчжэна в отношении Тибета, выявлены ранее не установленные обстоятельства, способствовавшие ее формированию;

- определено место и роль политики императора Юнчжэна в истории китайско-тибетских отношений;

³¹ Си цзан шэ хуэй ли ши цзан вэн дан ань цзи ляо и вэнь цзи (Собрание переводов материалов тибетских архивных документов по истории тибетского общества). Пекин: изд-во «Китайская тибетология», 1997. 257с.

³² *Desideri Ippolito. An Account of Tibet: The Travels of Ippolito Desideri, 1712–1727. Ed. by Filippo De Filippi. Rupa, 2005. 545 p.*

³³ *Sum-pa mkhan-po Ye-shes dpal-'byor, Ho Chin Yang (tr.). The annals of Kokonor. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 106. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton and Co., 1969. 125 p.*

³⁴ Пагсам-Джонсан: история и хронология Тибета. Пер. с тибетского языка, предисловие, комментарий Р.Е. Пубаева. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 264 с.

- определено место Тибета во внешней политике империи Цин и проанализированы причины и факторы возрастания значения Тибета в регионе в указанный период;

- исследуемый вопрос выведен на новый уровень изучения, отличающийся более углубленной проработкой сюжетов и материалов, с привлечением ранее не исследованных источников на китайском и тибетском языках, а также источников, переведенных на русский и европейские языки, в том числе и тех, которые ранее не привлекались для рассмотрения избранной нами темы.

Методология и методы исследования. Историческое исследование подразумевает использование системы разнообразных принципов, позволяющих наилучшим образом выявить характерные особенности и закономерности рассматриваемых процессов. В настоящей работе применялись такие методы исторического исследования, как конкретно-исторический подход, сравнительный анализ, проблемно-тематический анализ.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является исследование процесса формирования и развития политики цинских властей в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.) в связи с событиями в Восточной Азии, приведшими к включению Тибета в состав империи Цин. Указанная цель определила следующие задачи исследования:

- проанализировать исторические события предшествующих веков и идеологические установки, которые оказали существенное влияние на выстраивание отношений империи Цин с Тибетом

- на основе оригинальных источников восстановить хронологию важнейших событий, связанных с цинской политикой в Тибете при императоре Юнчжэне;

- определить значимость Тибета во внешней политике империи в указанный период;

- выявить особенности, причины, предпосылки и последствия осуществления выработанной Юнчжэном в отношении Тибета стратегии;

- определить роль и значение политики, которую проводил император Юнчжэн, в истории китайско-тибетских отношений и влияние результатов этой политики на последующее внутреннее и международное положение Тибета.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Представленная работа вводит в научный оборот целый ряд ранее не переводившихся на европейские языки источников на китайском и тибетском языках. Поэтому исследователи исторических, культурологических и религиоведческих специальностей могут найти в ней большое количество новой информации. Изучение политики империи Цин в отношении Тибета в указанный период позволяет создать теоретическую базу для дальнейшего исследования аналогичной проблематики не только в истории китайско-тибетских отношений других периодов, но и в истории других стран Дальнего Востока.

Буддизм в его тибетской форме – одна из традиционных конфессий России. По этой причине политика цинских императоров в отношении Тибета и буддизма интересовала правящие круги России, начиная с XVIII в. В связи с этим материалы и выводы исследования могут также представлять интерес для государственных учреждений и общественных организаций, осуществляющих контакты со странами Дальнего Востока.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в фундаментальных исследованиях и при подготовке учебных пособий и курсов лекций по истории Тибета, Китая, Монголии и Дальнего Востока в целом, а также по истории китайско-тибетских отношений. Представленный в работе материал также применим при создании различного рода справочной литературы по китайской и тибетской истории, этнографии и религиоведению.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Политика императора Юнчжэна в отношении Тибета стала логическим продолжением линии императора Канси последних лет его правления. Цинские власти смогли закрепить свое влияние в Тибете во многом благодаря тому, что возвели на престол Далай-ламу в 1720 году и продолжали впоследствии его контролировать.

- Вопрос управления Тибетом в период правления Юнчжэна всегда рассматривался в контексте его роли в отношениях с монгольским миром. Необходимость постоянно защищать Тибет и Далай-ламу от джунгаров красной нитью пролегла сквозь все правление Юнчжэна: при выводе или вводе цинских войск на территорию Тибета всегда просчитывались возможности нового джунгарского вторжения. И именно джунгарская угроза стала одним из решающих факторов при отправке Далай-ламы на территорию Китая, и, как следствие, разделения светской и духовной власти в Тибете.

- До 1727 года политика Юнчжэна в отношении Тибета не была направлена на его включение в административную систему империи. Исходя из стремления к соблюдению баланса сил в регионе и сведению к минимуму затрат на политические и военные акции во «внешних землях», император рассматривал варианты передачи власти самим тибетцам, не допуская при этом возвращения власти над Тибетом лидерам хошутов.

- Проводя реформу тибетской системы управления в 1728 году Юнчжэн осуществлял план, составленный еще до возникновения междоусобного конфликта в ходе продолжительного обсуждения с доверенными лицами. Император воспользовался событиями внутри Тибета, чтобы установить желательный для него режим правления, причем это удалось осуществить по просьбе самих тибетцев.

- Во время правления императора Юнчжэна Тибет стал ключевым пунктом геополитики империи в восточноазиатском регионе, будучи, несмотря на отсутствие экономической привлекательности, природным

щитом Цинхая, Юньнани и Сычуани, а также центром буддизма. Далай-лама рассматривался как центральная фигура в этой политике, поэтому император, стремясь полностью его контролировать и использовать с целью оказания влияния на монголов, переместил его на время на территорию Китая.

- Пристально отслеживая постоянно изменяющиеся обстоятельства внутри Тибета, император использовал каждую ситуацию для укрепления контроля и усиления цинского влияния в Тибете, не забывая про должное почитание традиций, поддержку буддизма и его лидеров как на территории Тибета, так и в самом Китае.

Апробация результатов исследования. Основное содержание и результаты данного исследования изложены в публикациях автора и представлены в виде докладов на следующих научных конференциях:

- XXVI международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (СПб, 2013);

- Пятом Пекинском международном тибетологическом семинаре (Пекин, КНР, 2012);

- Первых Петербургских тибетологических чтениях Института Восточных Рукописей РАН (СПб, 2012);

- XXVII конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» (СПб, 2013);

- Вторых Петербургских тибетологических чтениях Института Восточных Рукописей РАН (СПб, 2013).

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, приложений и списка литературы, включающего 154 наименования. Построение структуры диссертации обусловлено задачами исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дается краткий обзор истории изучения вопроса, обосновываются актуальность и новизна исследования, определяются цели и задачи работы, делается обзор источников, привлеченных диссертантом для написания работы.

Глава 1 посвящена краткому изложению и анализу китайско-тибетских отношений в предшествовавшие правлению Юнчжэна исторические периоды, в соответствии с которыми она разделена на четыре параграфа. Диссертант счел возможным посвятить целую часть работы анализу событий, выходящих за хронологические рамки, обозначенные в названии диссертационного исследования, так как это необходимо для выделения традиций и инноваций в политике императора, определения причин и предпосылок формирования его стратегии в отношении Тибета и определение места и значения его политики в истории китайско-тибетских отношений.

В **параграфе 1 «Китайско-тибетские отношения в эпоху Тан (618–907 гг.)»** дается краткое изложение основных событий, связанных с установлением и развитием отношений между Китаем и Тибетом до падения империи Тан. Большую часть этого времени, которое стало подъемом Тибетского государства и вошло в историю как время «Великого Тибета», заняли китайско-тибетские войны, прерывавшиеся на недолгие периоды перемирий после заключения договоров «о мире и родстве». Подавляющее большинство ученых также не выражает сомнений в том, что во времена «Великого Тибета» договоры с Китаем заключались на паритетной основе.

После падения династии Тан в 907 году в отношениях государств наступил перерыв, продлившийся несколько веков до их объединения под властью третьей силы в составе более крупного государственного образования, вышедшего на мировую арену в начале XIII века – Монгольской империи.

В **параграфе 2 «Тибет и империя Юань (1271-1368). Монголо-тибетские отношения в XIII – XIV вв.»** рассматриваются вопросы,

связанные с особым положением Тибета в составе Монгольского государства и проводится анализ событий, повлиявших на дальнейший ход развития отношений Тибета с соседними государствами.

В период правления династии Юань буддийские иерархи были наиболее влиятельными лидерами в Тибете. Поэтому монгольские правители устанавливали с ними отношения в рамках религиозной доктрины чо-йон – «духовный наставник и милостынедатель». Признавая тибетскую территорию зависимой, духовные лидеры Тибета становились учителями монгольских ханов, сохраняя свою индивидуальную статусность и обеспечивая Тибету исключительное место в составе империи Юань. В то же время, факт признания монголами тибетских буддийских иерархов в качестве главных представителей тибетского общества способствовал росту влияния буддизма на все стороны жизни Тибета.

Став с одной стороны проводниками монгольской политики в Тибете, буддийские иерархи в то же время способствовали распространению буддизма в империи Юань и значительному росту его влияния на монголов. Спустя несколько веков авторитет буддийских духовных лидеров среди монголов стал одним из важнейших факторов, определивших внешнюю политику маньчжуров и империи Цин.

Параграф 3 «Политика империи Мин (1368-1644) в отношении Тибета» посвящена историческому периоду, когда китайско-тибетские отношения перешли на уровень формального признания вассалитета в соответствии с традиционной внешнеполитической доктриной Китая. В рамках этой системы взглядов прибытие делегаций из ближних и дальних стран к императору воспринималось как акт подчинения, а привозимые дары – как дань. Тибетские местные правители, получая символы власти из рук китайской администрации, как и ранее от монгольской, подтверждали таким образом свой авторитет у местного населения, получали возможность вести торговлю в Китае во время поездок, а так же получали ответные дары, которые зачастую во много раз превосходили привозимую тибетцами «дань».

Минские же правители, которых главным образом интересовало спокойствие на границе, удовлетворялись символическим признанием подчинения.

В то же время, в эпоху Мин императорами была продолжена традиция поддержания отношений с буддийскими иерархами, некоторые из которых приглашались ко двору. Первые правители династии, способствуя распространению и процветанию буддизма с одной стороны, с другой стороны не забывали про государственные интересы и держали под контролем его влияние на население. Поддержка же императорами разных духовных лидеров Тибета и дарование им титулов и даров, объясняется, главным образом, особенностями буддизма: одновременным сосуществованием разных школ и традиций при отсутствии ортодоксии.

В параграфе 4 «Установление китайско-маньчжурских отношений и политика империи Цин в отношении Тибета до 1720 года» проводится анализ событий, предшествовавших включению Тибета в состав империи Цин и дается описание расстановки сил на геополитической арене Восточной Азии к началу правления императора Юнчжэна.

В 1642 году хошутский Гуши-хан основал династию «царей Тибета», с помощью военной силы объединив его земли в составе своего государства и передав управление Центральным Тибетом Далай-ламе V. Два года спустя в Китае началось правление новой чужеземной династии Цин, а его маньчжурские правители, заняв китайский престол, быстро усвоили и стали проводить в жизнь традиционную китайскую политическую доктрину.

Имея дело с Тибетом, цинскому двору было необходимо считаться как с собственно тибетскими лидерами, так и с их монгольскими покровителями, обладавшими значительными военными силами. Возможность объединения монгольских племен при поддержке буддийского лидера представляла потенциальную угрозу для новой цинской империи. И это стало одним из факторов, повлиявших на осуществление политики «разделяй и властвуй» в отношении монгольских правителей.

Унаследовав китайский традиционный подход в отношениях с приграничными землями, как с данническими, и став императорами Китая, маньчжуры в то же время заботились о своей самоидентификации в новой многонациональной империи. Поэтому, усвоив буддизм на раннем этапе их государственности, маньчжуры стали использовать его как средство сохранения национальных особенностей наряду с маньчжурским языком.

В связи с распространением буддизма среди монголов, которые в XVII-XVIII вв. были главным геополитическим соперником цинской империи на международной арене, маньчжурские императоры стали стремиться использовать авторитет Далай-лам для влияния на монгольских правителей. Возможность воздействия на политическую ситуацию в регионе при помощи буддизма стала для маньчжуров определяющим фактором в заинтересованности в установлении хороших отношений с тибетскими духовными лидерами. Поэтому в отношении Тибета у империи Цин начал прослеживаться особый подход, продиктованный этим интересом.

Джунгарское вторжение в Тибет в 1717 году вынудило хошутского правителя Тибета Лхавсан-хана обратиться к императору Канси (гг. правл. 1661–1722) с несколько запоздалой просьбой о военной помощи. В 1720 г. объединенная маньчжуро-монгольско-китайская армия вошла в Лхасу и возвела Далай-ламу VII Кэлсанг Гьяцо на престол в Потале. По мнению диссертанта, именно это событие, став переломным в судьбе Тибета, положило начало новой политике империи Цин в отношении региона.

Что же касается вопроса о статусе Тибета до 1720 года, необходимо отметить, что империи Цин пришлось иметь дело с государственным объединением, имевшим собственную систему управления, никак не подчиненную имперской центральной власти.

Глава 2 «Начало новой политики империи Цин в отношении Тибета» начинается с параграфа, посвященного оценке событий 1720 года. Первый в истории ввод китайской армии на территорию Тибета произошел в последние годы правления императора Канси, и это событие ознаменовало

начало новой цинской политики в Тибете, которую продолжил спустя два года Юнчжэн. Тибетские и китайские источники считают 1720 год той датой, когда Тибет вошел в состав империи Цин в качестве ее составной части, так как решающее слово в определении политики в Тибете перешло к маньчжурскому императору. Далай-ламе же были пожалованы регалии (диплом и печать), подтверждающие его признание цинским двором.

В параграфе 2 «Организация системы управления в Тибете в 1720-1723 гг.» рассматривается, как цинский двор решал вопрос о том, кому передать дела светского управления Тибетом после изгнания джунгаров. Ни у императора Канси, ни у унаследовавшего эту проблему императора Юнчжэна не было определенной стратегии в отношении этой проблемы, так как в это время цинская внешняя политика не была направлена на включение Тибета в состав империи. При Канси в Лхасе было создано возглавляемое маньчжурским генералом временное правительство, в которое вошли как китайцы, так и монголы и тибетцы. Существуют свидетельства о намерении императора вернуть власть потомкам Гуши-хана, однако, спустя три года после изгнания джунгаров из Тибета этого так и не произошло. Цинский двор официально объяснял это отсутствием общепризнанного лидера среди хошутов, на деле активно способствуя возникновению разногласий между их князьями. Лишним аргументом против возвращения власти хошутам мог быть их потенциальный политический союз с джунгарами, основанный на родственных связях. Юнчжэн также всерьез обсуждал возможность передачи светской власти Далай-ламе: доклады генерала Нянь Гэньяо о ситуации в Тибете подтверждали как способности молодого духовного лидера, так и желание всех тибетцев видеть его своим правителем. Однако сам Кэлсанг Гьяцо не захотел в столь юном возрасте (на момент своей интронизации ему не было и пятнадцати лет) брать на себя такую ответственность, а Юнчжэн, в свою очередь, не торопился с принятием решения, поручая представителям цинской администрации с осторожностью и уважением действовать на месте по ситуации. Интересно отметить, что, хотя непосредственно делами

светского правления Далай-лама не занимался, тем не менее, чтобы решения тибетского правительства вступали в силу, они должны были быть заверены его печатью.

В параграфе 3 первой главы проанализировано **решение о выводе цинских войск из Тибета**, принятое Юнчжэном в первый месяц его правления. Вопрос о возможном сокращении цинского военного присутствия в Тибете был поставлен генералом Нянь Гэньяо еще перед императором Канси. В своем докладе он сообщил о проблемах, связанных с пребыванием в Лхасе большого контингента войск, однако Канси не решился сразу вывести войска. На сменившего его на престоле Юнчжэна доводы генерала подействовали сильнее. Путем вывода войск император намеревался решить сразу несколько задач: вернуть войска и сократить расходы на их содержание за пределами собственно Китая; устранить причины для недовольства местного населения цинскими властями; предотвратить возможное сплочение хошутских правителей против империи, основанное на предположении, что цинский двор держит в Тибете войска, так как не хочет передавать им управление Тибетом.

Говоря о неожиданности этого решения Юнчжэна, стоит помнить о том, что в перспективе вывод войск был запланирован императором Канси, а предложение о сокращении военного присутствия в Тибете было вынесено генералом Нянь Гэньяо на основании исследования обстановки, которую он также провел по поручению Канси. Поэтому вряд ли стоит называть политику Юнчжэна «новой»: в основе ее лежали решения его отца, о чем он сам неоднократно писал своим подданным.

Глава 3 «Кукунорский мятеж 1723-1724 гг.» открывается **параграфом, раскрывающим причины этого события**, которое привело к включению Цинхая в состав цинской империи. Приказав вывести из Лхасы войска и вновь пообещав хошутам вернуть им Тибет, когда дела с джунгарами будут улажены, Юнчжэн мог рассчитывать на то, что это успокоит хошутского князя Лобсан Дандзина, который претендовал на

получение титула «царя Тибета». Тем не менее, будет ошибочным полагать, что Тибет был императору настолько безразличен, насколько он хотел внушить это монгольским князьям. Некоторые ученые даже предполагают, что Юнчжэн вместе с Нянь Гэньяо, добившись мира с джунгарами и обеспечив спокойствие в Тибете, рассчитывали на то, что правители Кукунора пойдут на открытую конфронтацию с империей Цин, обеспечив ей повод к завоеванию Цинхая. Так или иначе, после кампании 1720 года цинский двор стал осуществлять в отношении кукунорских князей политику «разделяй и властвуй»: император Канси поднял второго по влиятельности князя Чаган Дандзина до уровня наиболее авторитетного хошутского князя Лобсан Дандзина, дав ему возможность соперничать в борьбе за лидерство в Кукуноре. Участие Юнчжэна при распределении спорной территории одного из умерших хошутских князей также значительно усиливало влияние Чаган Дандзина и провоцировало конфликт между князьями. В итоге, к началу военных действий Лобсан Дандзин не только не сумел добиться поддержки джунгаров, но и растерял своих союзников среди хошутов.

Второй параграф главы о Кукунорском мятеже рассматривает события, связанные с **участием в мятеже этнических тибетцев** – коренных жителей Кукунора. В конфликте 1723-1724 гг. они поддержали хошутских ойратов (которых воспринимали как своих законных правителей) в лице Лобсан Дандзина, обеспечив военную поддержку и материальное снабжение мятежа. Это вызвало негодование императора, который еще до мятежа резко высказывался в адрес тибетского монашества и слепой вере тибетцев и монголов ламам. В то же время, крайне негативно относившийся к большинству лам правитель, сам придерживался буддийских идей и почитал некоторых учителей как своих наставников. Беспрецедентная жестокость в отношении лам при подавлении восстания объясняется тем, что император предполагал, что после долгих лет поддержки буддизма империей они встанут на сторону цинских властей. Кроме того, несмотря на определенные симпатии к некоторым тибетским учителям и основам «желтой веры»,

Юнчжэн отдавал себе отчет в том, что влияние лам слишком велико и в интересах государства будет поставить под контроль буддийское монашество.

Последствия Кукунорского мятежа для Тибета разобраны в **третьем параграфе** второй главы. Подавление Кукунорского мятежа 1723-1724 гг. окончательно положило конец надеждам потомков Гуши-хана на восстановление своей власти над Тибетом. Джунгары, отказавшиеся выступить против империи Цин, становились менее опасными соседями, так как лишились практически единственного возможного союзника в монгольском мире в противостоянии цинскому двору. Значительные территории, населенные тибетцами, вошли в состав империи Цин. Важнейший религиозный очаг, родина основателя школы Гелуг Цзонхавы, перешел в административное подчинение к цинским властям. При этом при распределении земель по итогам кампании 1723-1724 гг. Юнчжэн исходил из того, что, создав свое государство в 1642 году, Гуши-хан разделил тибетские земли на Кам, Уй и Цзан, передав в управление Далай-ламе только Уй (т.е. Центральный Тибет). На присоединенной к китайским провинциям территории Юнчжэном был принят целый ряд серьезных мер по ограничению деятельности лам и монастырей.

В **четвертом параграфе** приводится перевод и анализ части текста стелы **«На покорение Цинхая»**, **воздвигнутой в 1725 году**. В нем говорится, что, следуя традиции, примеру императора Канси и совету придворных, император Юнчжэн написал этот текст и повелел установить стелу и совершить ритуалы жертвоприношения перед изображением Конфуция. Текст интересен тем, что из него можно получить представление об оценке лично императором событий 1723-1724 годов.

Пятый параграф посвящен анализу указа императора Юнчжэна **1726 года о преследовании школы Ньингма**. В результате кровавой расправы над монахами и разгрома, которому подверглись в Кукуноре буддийские монастыри в 1723-1724 годах, в Тибете, где только начинало складываться представление о маньчжурском правителе, стало слишком

сложно поддерживать его имидж как «покровителя буддизма». Однако Юнчжэну удалось добиться того, чтобы разграбление монастырей и массовые убийства тибетцев на территории Кукунора ассоциировались отнюдь не с его именем: поводом к совершенным действиям послужила поддержка тибетцами мятежного монгольского князя Лобсан Дандзина, а их причиной стали считать кровожадность и жестокость китайских генералов. Нянь Гэньяо, верный и талантливый полководец, выполнявший повеления императора, получил в 1726 г. приказ покончить с собой, а Юнчжэн распорядился о восстановлении монастырей, которое, главным образом, завершилось к 1729 г.

Повеление о преследовании школы Ньингма, дающее серьезные привилегии последователям школы Гелуг («желтого учения»), могло преследовать своей целью взять под контроль развитие тибетского буддизма, последователи которого доставили Юнчжэну столько проблем в 1723-1724 гг. В то же время, этот контроль был бы обличен в форму покровительства доминирующей школе Гелуг, к которой относился Далай-лама, что способствовало бы укреплению представления о маньчжурском императоре как о «защитнике истинной веры», которым Юнчжэн себя и считал.

В главе 4 «Позиция императора Юнчжэна в отношении тибетского междоусобного конфликта 1727-1728 годов» внимание сосредоточено на трансформации стратегии маньчжурского правителя в связи с событиями внутри Тибета, вылившимися в 1727-1728 гг. в междоусобную войну.

В первом параграфе рассматривается **эволюция взглядов императора Юнчжэна на возможные сценарии развития событий в Тибете** и выявляются **предпосылки междоусобного конфликта**. Начав свое правление с приказа о выводе войск из Лхасы, Юнчжэн, как и его отец, не торопился с установлением административного подчинения местного правительства цинскому. Осознавая степень влияния буддизма и Далай-ламы на тибетское и монгольское население, император предельно внимательно относился к тибетскому вопросу, постоянно направляя в Лхасу своих

доверенных лиц, которые подробно докладывали ему о текущем положении дел. Однако, досконально вникая в тибетские проблемы, Юнчжэн стал настолько осторожно относиться к каждому решению, что почти на пять лет затянул вопрос о назначении главы тибетского правительства. К 1727 году несостоятельность новой системы управления, в которой отсутствовал главный министр и каждый из членов совета отвечал за вверенную ему часть территории Тибета, стала очевидна. Тогда император пришел к выводу о необходимости назначения одного главного министра (тиб. *калона*), отправке в Лхасу на постоянное пребывание представителей цинской администрации и гарнизона цинских войск для подкрепления их полномочий. Также Юнчжэн принял решение о перемещении Далай-ламы на территорию Китая, так как опасался нового джунгарского вторжения. Однако неуверенность Юнчжэна и затягивание с принятием решения привели к тому, что когда маньчжурские чиновники находились на пути в Лхасу, там уже разгорелся междоусобный конфликт.

Во втором параграфе представлено изложение того, **в каком ключе события в Тибете в 1727-1728 гг. рассматривались в Пекине.** Назначенный императором главным министром Канченнэ был убит, а его сторонник Полханэ начал собирать войска для вооруженного сопротивления, обратившись к императору Юнчжэну с просьбой оказать военную помощь. Хотя колебания императора в итоге привели к междоусобной войне в Тибете, однако снова, как и в 1720 году, цинские власти не стали инициатором ввода войск в Лхасу, дождавшись просьбы о помощи из Тибета. И, как и его отец в 1717 году, Юнчжэн не сразу отправил войска в Тибет, обсудив этот вопрос с многими своими доверенными лицами. Несмотря на то, что конфликт между калонами сам по себе Юнчжэн считал «маленькой проблемой», если в нем не были замешаны джунгары, оставить инцидент без внимания он в любом случае не мог, так как был убит министр, который был назначен главой администрации императорским указом.

Конкретные действия цинских властей во время развития конфликта разобраны в **третьем параграфе** Главы 3. Полханэ со своими отрядами занял Лхасу в июле 1728 г. еще до прихода цинских войск, арестовал министров и ожидал прибытия представителей императора для проведения следствия и вынесения приговора. До ареста калонов, император опасался, что они могут схватить Далай-ламу и увезти его в Джунгарию до того, как цинские войска успеют добраться до Лхасы. Потому, хотя Юнчжэн с самого начала конфликта поддерживал Полханэ, он сохранял это втайне от калонов, которые также рассчитывали заслужить его благосклонность.

Четвертый параграф посвящен суду над калонами и действиям, предпринятым цинскими властями после приведения в силу приговора. Казнив убивших Канченнэ министров, маньчжурские командующие предприняли ряд мер по реорганизации показавшей свою несостоятельность системы управления:

- Учреждение института амбаней. Мысль об отправке в Тибет китайских наместников на постоянное проживание для осуществления более действенного контроля над ситуацией в Тибете высказывалась императором и его доверенными лицами еще до возникновения междоусобной войны. Главная задача амбаней заключалась в том, чтобы следить за лояльностью правящих верхов по отношению к императору и информировать центральную власть в Пекине о положении дел в Тибете. Вопросом внутреннего управления они практически не занимались.

- Размещение в Лхасе цинской армии. Маньчжуры были заинтересованы в том, чтобы Тибет со временем смог обороняться в случае джунгарского вторжения своими силами, не прибегая к помощи цинских войск, введение которых на территорию Тибета ложилось бременем как на императорскую казну, так и на местное население и на самих воинов. На оснащение и тренировку тибетской армии император выделил значительные средства. Однако на время подготовки собственной армии, в Лхасе под командованием амбаней был оставлен гарнизон из 2000 цинских солдат.

- Назначение Полханэ главным министром. Во избежание повторения ситуации 1727 года, было принято решение о передачи светской власти в руки одного лояльного тибетца, который бы осуществлял управление на месте. Главной задачей Полханэ была стабилизация внутреннего положения в Тибете и обеспечение безопасности на границах. Так как он проявил себя как талантливый полководец и доказал свою лояльность двору, император поручил ему возглавить тибетское правительство и начать формирование тибетской армии. Отмечая за Полханэ способности руководителя, император в то же время учитывал, что светский правитель, не будучи одновременно буддийским духовным лидером, не сможет завоевать такой значительный авторитет в Тибете, как Далай-лама V. Поэтому, доверяя Полханэ дела светского правления, Юнчжэн мог не опасаться, что слишком большая власть сосредоточится в руках одного человека.

Глава 5 «Ссылка Далай-ламы в 1728–1735 гг.» посвящена последовавшему за междоусобным конфликтом перемещению Кэлсанг Гьяцо на территорию Китая.

Первый параграф повествует о **причинах отъезда духовного лидера**. Пребывание Далай-ламы в Сычуани принято называть ссылкой, так как он был удален из Лхасы по приказу императора и, соответственно, отстранен от дел светского правления в Тибете. В то же время существует целый ряд свидетельств того, что была запланирована встреча Далай-ламы с императором, и не состоялась она по причине состояния здоровья духовного лидера. Кроме упоминания планов этой встречи в китайских и тибетских текстах, в 1729 году состоялся визит отца Далай-ламы Соднам Даргье в Пекин. Эту аудиенцию часто рассматривают как допрос в связи с его активным участием в политических интригах. Однако в его официальной биографии сказано, что он отправился к императору «вместо Далай-ламы», а результатом его визита стало не наказание, а получение титула и знаков отличия. В то же время, есть ряд фактов, свидетельствующих об обратном: официальной причиной отъезда Далай-ламы была названа опасность

джунгарского вторжения и необходимость его защиты, а об интригах Соднам Даргье, опутавшего своего сына сетью родственных связей с тибетскими аристократами и монгольскими князьями, согласно докладам Юэ Чжунци, в Тибете было известно повсеместно.

Во **втором параграфе** описывается **организация отправки Кэлсанга Гьяцо на территорию Китая**. Специально для него в Гартаре неподалеку от Литана был построен монастырь, на который Юнчжэн не пожалел средств. Император лично просматривал отчеты о ходе его строительства и сочинил надпись на основание монастыря, которая была вырезана на каменной стеле.

Третий параграф посвящен событиям **периода пребывания Далай-ламы в Гартаре** и вопросу **организации управления Тибетом во время его отсутствия**. Несмотря на учреждение института амбаней, в действительности управление Тибетом осуществлял Полханэ. Новая административная система с двойной подотчетностью (калонов – Полханэ, а Полханэ – амбаням) была призвана предупредить возможность повторения кровавых событий междоусобной войны и возникновение сговора с джунгарами. Кроме стабильности и спокойствия на границе, Юнчжэн был заинтересован в обороноспособном Тибете, поэтому Полханэ были выделены значительные средства для тренировки собственной тибетской армии. О ее готовности и доверии императора Полханэ свидетельствует указ 1733 года о сокращении военного присутствия в Лхасе.

На протяжении нескольких лет Далай-лама находился вдали от политики. Единственный раз за время его пребывания в Сычуани некоторое напряжение возникло, когда в 1731 году в Гартар приехал с берегов Волги посол наследника умершего калмыцкого Аюка-хана (1642–1724 гг.), чтобы посредством получения от духовного лидера титула хана легитимизировать свою власть. Вопрос осложнялся тем, что калмыцкие правители поддерживали дружеские отношения с джунгарами. Кроме того, для цинского двора было принципиальным вопросом поддерживать свой авторитет у калмыков, которых Российская империя уже давно считала

своими подданными. Юнчжэн детально проинструктировал Далай-ламу, как следует ответить на просьбу о даровании титула. Кэлсанг Гьяцо было предписано уважительно сослаться на авторитетное мнение цинского правителя в решении вопроса о признании кого-либо ханом. Поэтому калмыцкой делегации пришлось ожидать грамоты из Пекина.

В четвертом параграфе рассматриваются события, связанные с **возвращением Далай-ламы в Лхасу** в последний год правления императора Юнчжэна. К 1734 году ситуация в регионе стабилизировалась, власть Полханэ укрепилась, а джунгарское вторжение Тибету больше не угрожало, поэтому императором был подписан указ о возвращении Кэлсанг Гьяцо в Лхасу. Во главе представительной миссии с сообщением о принятом решении к Далай-ламе был отправлен брат императора принц Юньли, доложивший Юнчжэну по итогам поездки в том числе о том, что духовный лидер сожалеет о том, что не смог лично повидаться с императором.

За время ссылки авторитет Далай-ламы не претерпел серьезных изменений, но события 1727-1728 гг. на долгое время лишили его возможности влиять на дела светского правления.

С возвращением Далай-ламы в Лхасу начался новый период в истории Тибета, когда светская и религиозная власть вновь были разделены, а внутренняя и внешняя политика, осуществляемая тибетским аристократом Полханэ, находились под контролем представителей цинских властей. В то же время, ключевой фигурой в цинско-тибетских отношениях по-прежнему оставался молодой Далай-лама, несмотря на то, что он на время был отстранен от дел светского правления.

В Заключении подведены итоги проведенного исследования и сформулированы основные выводы.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

в изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»:

1. *Солощева М.А.* Ссылка Далай-ламы VII 1728–1735 гг.: причины и последствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, 2014. № 1. С. 55–62.

2. *Солощева М.А.* О роли школы Ньингма в политической и религиозной жизни Тибета (1642–1735) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, 2013. № 3. С. 62–72.

3. *Солощева М.А.* Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, 2013. № 1. С. 58–67.

в других изданиях:

4. *Солощева М.А.* Возвращение Далай-ламы VII в Лхасу из Сычуани в 1735 г. // Локальное наследие и глобальная перспектива. "Традиционализм" и "революционизм" на Востоке. XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г.: Тезисы докладов. СПб., 2013. С. 205–206.

5. *Soloshcheva M.* On the position of the Nyingma School in religious and secular life of Tibet from 1642 to 1735 // A Collection of Abstracts of the 5th Beijing International Seminar on Tibetan Studies. Beijing, 2012. P. 63–64.

6. *Солощева М.А.* Значение событий 1720 года в истории китайско-тибетских отношений // Модернизация и традиции»: XXVI международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20-22 апреля 2011 г: Тезисы докладов. СПб., 2011. С. 251–252.